

2-й издѣніе.

ГОЛОСЪ СИБИРИ

Сибирь

Вторникъ, 6 сентября 1911 г.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

Выходить въ г. Иркутскѣ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

Отдѣльный №—5 коп.

Чеховъ въ Сибирь.

Въ очередной 21-й книжкѣ „новаго“ Чехова, готовящейся къ выходу въ свѣтъ, на хитрымъ очерки Чехова „По Сибири“, нѣкоторыя странички которыхъ представляютъ большой интересъ. Вотъ, напр., художественныя образы переселенцевъ.

„Обгоняемъ двѣ кибитки и толпу мужиковъ и бабъ. Это переселенцы.

—Изъ какой губерніи?

—Изъ курской.

Позади всѣхъ плетется мужикъ, не похожій на другихъ. У него брѣвѣйшій подбородокъ, сѣдые усы и какой-то непонятный владанъ позади на сермѣхъ; подъ мышками да въ скрипкахъ, завернутыя въ платки. Не можно спрашивать, кто онъ и откуда у него скрипки. Непутевый, хворый, чувствительный къ холоду, неравнодушный къ вѣтрамъ, рабочій всю свою жизнь прожилъ дешавымъ, ненужнымъ человѣкомъ сначала у отца, потомъ у брата. Его не отбѣляли, не женили... Не стоящій человѣкъ! На работѣ онъ заблудъ, хмѣлялъ отъ двухъ рюмокъ, болталъ зря и умѣлъ играть только на скрипкахъ, да возился съ ребятами на печкѣ. Игралъ онъ и въ кабакахъ, и на свадьбахъ, и въ полѣ, и, ахъ, какъ игралъ! Но вотъ братъ продалъ набу, скотъ, и все хозяйство и идетъ съ семьей въ далекую Сибирь. И бобыль тоже. Идетъ — дѣваться некуда. Беретъ онъ съ собою и обѣ скрипки... А когда придетъ на мѣсто, станетъ онъ заблудъ отъ сибирскаго холода, захватитъ и умретъ тихо, молча, такъ что никто не замѣтитъ, а его скрипки, заставившія когда-то родную деревню и веселиться, и грустить, пойдутъ за двугривенный чужаку-писарю или ссыльному; ребята чужака оборвутъ струны, сломаютъ кобылку, выльютъ воды... Вернись, дядя.

Переселенцевъ я видѣлъ еще, когда плылъ на пароходѣ по Камѣ. Помнится мнѣ мужикъ лѣтъ сорока съ русой бородой; онъ сидитъ на скамьѣ на пароходѣ; у ногъ его мѣшки съ домашнимъ скарбомъ, на мѣшкахъ лежатъ дѣти въ лапоткахъ и жмутся отъ холоднаго, рѣзкаго холода, дующаго съ

пустыннаго берега Камы. Лицо его выражаетъ: „Я уже смирился“. Въ глазахъ пропія, но эта пропія устремлена во вѣтеръ, на свою душу, на всю прошедшую жизнь, которая такъ жестоко обманула.

—Хуже не будетъ! — говоритъ онъ и улыбается одной только верхней губой.

Въ отвѣтъ ему молчишь и ни о чемъ не спрашиваешь, но черезъ минуту онъ повторять:

—Хуже не будетъ!

—Будетъ хуже! — говоритъ съ другой скамьи какой-то рыжій мужиченко-не переселенецъ съ острымъ взглядомъ.

— Будетъ хуже!..

(Кіевск. Огкл.)